

Реальная реальность и белый снег

в основе рассказа лежат реальные события.

факты о семье, моей работе, фамилии, имена изменены.

Лицо этой женщины вновь и вновь встает перед моими глазами. Мне трудно увидеть его полностью, но я отчетливо помню его сероватый цвет, заостренные нос и уши, тонкие, обесцвеченные губы... Я помню глаза, которые беспомощно смотрели куда-то мимо меня... Глаза, в которых совсем не было интереса к окружающему, но и не было в них ни капли желания умирать.

Мне почему-то сильно захотелось рассказать эту историю, пока все так живо для меня. Скоро сменится пейзаж за окном, придут другие лица, нахлынут волны новых событий, а я не хочу терять эту историю. Я обязана не потерять ее. Я не буду стараться написать что-то высокохудожественное, возвышенное, выдержанное в определенном стиле. Да если бы и захотела... Я просто хочу рассказать о том, что произошло однажды в чужой жизни чужих мне людей, и о том, как эта чужая жизнь стала, пусть не надолго, больно ощутимой частью моего уютно устроившегося существования.

Начну по-порядку. Я работаю в учреждении социального обслуживания. Это обычная провинциальная конторка, каких множество в нашей стране. Уютная, теплая... За окном моего кабинета - большие деревья. Но это сейчас не важно. На меня возложены обязанности работать с различными социальными проблемами детей и их семей. Хотя как работать... Просто периодически прихожу к кому-то домой в качестве неприятного сюрприза, проверяю, в каком состоянии содержится комната ребенка, и беседую, осторожно давая советы и мило улыбаясь. По долгу службы мне нельзя открыто проповедовать, хотя я прекрасно понимаю, что помочь этим людям может лишь Иисус. Особенно тяжело бывает видеть родителей, зависимых от алкоголя. Но только Господь может выволить несчастного из тинистого болота и поставить ноги его на камне, как написано в книге Псалтырь.

И вот однажды, в начале сентября, всего лишь на второй неделе моей профессиональной деятельности, еще полная энтузиазма, я шла по улице, залитой солнечным светом, среди чуть тронутых осенней палитрой деревьев. Я работала и гуляла одновременно. Дом, который мне был нужен, находился довольно далеко от нашего учреждения, но я добросовестно и благочестиво, как настоящий христианин, решила не халтурить - и не только на бумаге, но в реальности посетить незнакомую мне семью Белянцевых. Квартира, маленькая, но уютная, и сама хозяйка произвели очень приятное впечатление. Постараюсь представить глазам читателя женщину, с которой я познакомилась в тот день. Будем звать её Лиза. Как сейчас помню - симпатичная, высокая, с густыми светлыми волосами, она сидела рядом со мной на диване, и, доверяясь как старому другу, плакала, рассказывая о трудностях, которые пришли в ее жизнь. Женщина была серьезно больна, а семья ее (она и дочка) остро нуждалась в финансах. Я плохо помню, что чувствовала во время общения с ней - была ли жалость, было ли сильное желание рассказать ей о Том, кто может все изменить... Я не помню. Я не рассказала.

Пейзаж менялся, вместо листьев кружились над городом снежинки, реку затащило тонким слоем льда, а я бежала навстречу новым впечатлениям в мире моей профессии. Семьи, конференции, поездки, семинары, дети... Я отложила в долгий ящик работу с Белянцевыми, пока не услышала, что состояние Лизы сильно ухудшилось.

Помню, когда я пошла к ней во второй раз, картина увиденного поразила меня - Лиза почти все время лежала. За какие-то пару месяцев она утратила физические силы, а ведь в сентябре она даже собиралась искать работу... Дочка была все время рядом, и хотя родственники уговаривали её временно переехать в Украину, она предпочла остаться с мамой. За Лизой ухаживали близкие - сама она заботиться о себе была уже не в состоянии. Я не могла оставаться равнодушной, и пыталась даже оказывать какую-то практическую помощь, подключая других врачей, но улучшения так и не наступило.

Потом она лежала в больнице, и ей было совсем плохо. В то время мы общались по телефону. Она не могла есть, не могла спать, тело разламывалось от постоянной боли. Чего я ждала, почему я медлила, зачем расспрашивала её о здоровье, когда надо было говорить о жизни вечной? Я могла, наверное, прийти в больницу, но постоянно находила отговорки, чтобы остаться в теплом кабинете с шикарным пейзажем за окном.

Шло время, и ситуация сложилась таким образом (а случайностей не бывает), что для решения некоторых рабочих вопросов мне было необходимо встретиться с Лизой. И я пошла в больницу. Помню, я очень старалась выглядеть "с иголочки", представительно: соблюсти причёсочку, макияжечек, маникюрчик... А она лежала в общей палате серая, худая, поникшая... И все таки она старалась активно обсуждать наши дела, старалась сохранять спокойствие. Мы даже посмеялись в какой-то момент. Она мечтала выздороветь и надеялась на это, а я лишь улыбалась и кивала. Я ни слова не сказала о Иисусе. Как я боялась за последствия! Допустила настолько много страха, что даже тогда, когда жизнь её была сочтена, возможно, неделями, продолжала молчать о настоящей жизни, которую Господь дарит всем, поверившим в Него. Я молчала о том, что есть что-то ужаснее самой страшной болезни - это ад. Я молчала о том, что есть у неё шанс узнать другую жизнь - свободную от болезней и слез - жизнь вечную. Жизнь, которая больше здоровья и человеческого счастья. Лиза очень переживала за судьбу дочери.

Спустя может быть месяц, или меньше, я говорила по телефону уже с матерью Лизы, поскольку бедная женщина была не в состоянии отвечать на звонки. Мать рассказывала, что Лизу мучают боли, что крик её почти не прерывается на протяжении дня и ночи.

И тогда, все отчетливее я слышала Господа, зовущего меня на служение, зовущего меня на какой то момент забыть, что я специалист, а вспомнить, что я христианка... Принять Лизу не как моего клиента, но как человека, который нуждается во Христе. Я, наконец, решила рассказать ей Евангелие. Я просила Церковь молиться за возможность поговорить с Лизой, выгадывала и высчитывала "совершенное время" визита - чтобы нанести его в нерабочие часы - не в качестве инспектора, а в качестве гостя - во избежание проблем с начальством.

Драгоценные дни её жизни утекали, а я так и не решалась на "авантюру". Я боялась панически. О, как я боялась - противный, мерзкий, подлый страх - я сама его возгревала. Но вот, в один прекрасный день, я позвонила матери Лизы и пообещала: "приду завтра",

намеренно не оставив себе шансов к отступлению. К тому времени Лиза уже не приходила в себя, бредила целыми днями, не ела.

В тот снежный красивый завтрашний день мое сердце просто разрывалось - это была страшная, очень страшная духовная борьба. И в этой борьбе я увидела себя такую, какая я есть - я никто и ничто, и я не способна и шагу ступить без Него. Где был мой надутый профессионализм? Где было мое красноречие? Где была моя стандартная милая улыбка? Никто и ничто. Страх терзал, скручивал меня... Жуткие предположения о том, что мне может грозить, накрывали меня с головой. Где были мои давние мечты о героической смерти за Христа? А время тянулось ну просто невероятно медленно. Я уже не знала, куда себя деть в последние минуты рабочего дня. Вот еще двадцать минут... Девятнадцать... Я пошла в магазин, который находился недалеко от её дома - рассматривала какие-то побрякушки, потом в другой магазин... Десять минут... Время словно не двигалось. Герой? - Никто и ничто. А вокруг все было очень белое. И не было, совсем не было повода уйти домой. И не разболелся живот, и не позвонила бабушка, и ничего не помогло мне сбежать. Слава Богу за то, что Он вел мои ноги туда. Слава Богу за то, что моя подруга молилась за меня в это время, зная о том, куда я иду. А я была абсолютно немощна, но в этой немощи своей я попыталась отдать всю нашу встречу Богу. Дрожа перед железной дверью, я сказала Ему честно, что не обещаю поделиться Евангелием, что я ничего не могу. Знаю, это все выглядит очень слабо. Я уже не помню, о чем точно молилась перед той дверью, кажется попросила у Него сделать чудо.

Потом я зашла и увидела жуткую картину, которая оказалась страшнее, чем могла я себе представить. Лиза была не в себе, она без конца бредила. В квартире были родственники. Я не знала, как вообще возможно заговорить с человеком, который не осознает, что происходит, где он, кто вокруг него. Мы сидели с родственниками и тихонько разговаривали под нескончаемый поток бредовых фраз. Я спасовала окончательно, думая о том, что не смогу говорить что-то человеку с отключенным сознанием, тем более в присутствии других людей. Я боялась, что меня остановят, что накричат, что будет скандал. Мне и в голову не пришло спросить разрешения у родственников поговорить с Лизой.... Но эта женщина, уже совершенно не похожая на прежнюю себя, худая, изможденная, предельно слабая, скорее всего, шла в противоположную сторону от рая, и это оознание тяжелым грузом лежало на моих плечах.

Минуты летели, и я уже подумывала уходить, как вдруг Лиза повернулась и посмотрела на меня совершенно адекватно. К ней вернулось сознание! Она узнала меня и назвала по имени. ...Дальше была уже не я...

Я помню, как попросила табуретку и под села к её кровати, и, смущаясь, начала вступительное слово. Лиза, увидев мое смятение, сказала: "Говорите все как есть". И я рассказала ей Евангелие. Я не увидела, чтобы она с радостью выслушала мои слова, и я, к сожалению, не дошла до предложения помолиться молитвой покаяния -она сказала, что ей тяжело и дала понять, что разговор закончен. Через минуту она снова провалилась в пустоту. Но Евангелие она услышала. И какое счастье, что Иисус использовал меня в этой ситуации - ничтожного, слабого человека.

Иисус показал мне, что Он силен. Он силен дать одному человеку услышать Его истину, а другому - донести её, даже если все обстоятельства против этого. И я помню, как в

момент благовестия мне было все равно, что происходит за моей спиной, и какое впечатление складывается у родственников Лизы. Невероятно... Это была не я.

Помню, как возвращалась домой, видела улицы, занесенные снегом, вывески магазинов, улыбки спешащих гламурных и не очень людей. И думала о том, что где-то, позади нас, в маленькой квартире на пятом этаже, лежит женщина со страшной болью в теле и болью в глазах. Женщина, которая уже не может выйти на улицу и так просто, как мы все, посмотреть на снег, зайти в магазинчик на углу, проехаться на маршрутке до торгового центра и обратно. Я ехала домой и вглядывалась в лица пассажиров, а в голове вновь и вновь всплывало её лицо - страшно худое, изможденное, острое. Рак съедает человека. Я увидела как рак съедает человека.

Через неделю я снова пошла туда, и она опять узнала меня, но я уже не решилась ничего сказать. Герой? Смешно. Удивительно маленькой выглядела она под тем белым одеялом...

Через два дня она умерла. Лиза умерла, и я не знаю, приняла ли она Евангелие после нашего разговора с ней. Хочется надеяться, но это знает лишь Иисус.

Ей не было сорока лет, её дочь видела как она умирала.

Эта история о реальности, о самой что ни на есть реальной реальности нашей жизни, которую мы упорно не хотим замечать. Эта история о женщине, которая хотела жить на земле. Эта история об Иисусе, Который принявшим Его дарит Жизнь вечную.

2011

*Анна Артеева
May 11, 2014*

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/9040>

© Copyright 2024, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com